

ДУРАКИ ВЗРОСЛЫЕ...

Осенью, в самую слякоть, во двор дома Сережки Меркурьева приехавшие из города на большой машине солдаты занесли цинковый гроб. По команде отсалютовали из автоматов, распугав деревенских ворон, и уехали. Взрослые мальчику объяснили, что там внутри лежит его старший брат Витька, убитый на войне душманами. Но как Сережка не влипал носом в мутное изнутри окошко цинкового ящика, все равно никого там не увидел.

Почти все село собралось посмотреть на гроб. Таких в Кипаели еще не бывало, слушать слышали, а вот видеть ни приходилось. Сережка смотрел на толпу, но лиц не различал – одно сплошное светлое пятно. А вот железный ящик с братом внутри, куда бы он ни посмотрел, маячил перед глазами.

Любой покойник для детворы – событие. Можно вкусно поесть, день-два попользоваться неожиданной свободой. Но в этот раз не было покоя в Сережкиной душе. Он ждал старшего брата из армии со значками и с пилоткой, а тут гроб привезли. До глубины души непонятно. Вот вырастет Сережка, пойдет на войну и всех душманов из калашника: та-та-та...

Похороны в назначенный день не состоялись. Из города на заляпанном грязью «жигуленке» приехал какой-то мужчина и показал родителям Сергея мятую бумажку из военкомата. В ней было написано, что где-то там кто-то напутал, и в гробу лежит не их Витька, а его Андрюшенька. Он приехал забрать у них сына.

– Поймите, – объяснял он, – по списку в военкомате тринадцать гробов на наш район, а пришло только двенадцать. По документам, в этом мой мальчик... Я вон и багажник

наверх приспособил, чтобы сподручней было везти. Тут вы мне поможете, а дома-то нас встретят...

Мать, конечно выть, а отец кулаки сжал.

Во всем селе был только один «афганец» Васька, сын Анастасии Андреевны Мальцевой, который вернулся тронутым из армии после госпиталя. Его сразу прозвали йой зон, что по-русски дурак-сын. Пил страшно. Он постоял молча у забора и сказал:

– Они там вместе, слитно...

Сгорбился и ушел не оглядываясь. Бабы смотрели ему в спину и Анастасию жалели. Вчера еще только, напившись у Илля Вася браги, гонялся за ней с топором, талоны на водку требовал. А сегодня – вроде, ничего, тихий...

Глядя на двух стоящих друг против друга мужиков, Сережка думал: «Папка мой – кузнец, не то что этот хлюпик. Деревенский, в общем, папка. А этот мужик, который приехал у нас гроб отбирать, в очках и с дипломатом. Папка его, если начнут драться, соплей перешибет...» А глаза у них были похожи, в них стояла влажная сумятица из страха, печали и ненависти.

Постояли отцы друг против друга, и пошли в летнюю кухню. Там они стали пить водку, припасенную к поминкам. К себе никого не впускали, разговаривали и плакали. Приезжий почти сразу окосел, а Сережкин папка нет – тренировка. Пили они до самой ночи, никто их не трогал. До тех пор пили, пока не затихло село.

Когда они несли под луной гроб в совхозную кузню на берегу Выми, все спали, только Сережка не спал, крался за ними. Пока шли, гроб два раза роняли. Он ударялся о сырую, унавоженную землю глухо, словно били палкой по рельсе. Ящик тяжелый, руки с похмелья слабые – еле добрали.

Присев к окошку, Сережка видел сквозь мутные стекла, как отец расклепал крышку. Откинули ее мужики... и оба отпрянули. Мальчик силился, изо всех сил выпучивая глаза, увидеть, что же там, что? Но ничего не смог рассмотреть.

Мужики отошли в дальний конец кузни-слесарки, присели на чурбаки у верстака и быстро, стакан за стаканом, без закуски опорожнили припасенную отцом бутылку водки. Закурили. Гость после каждой неумелой затяжки надсадно кашлял, а отец хрюскал его по жидкой спине широченной ладонью. После каждого удара мужичонка в очках скукоживался и бессловесно, кивком головы, благодарил.

Потом они, покачиваясь в нетвердом свете засиженной мухами лампочки, стали делать страшное – перекладывать из гроба в найденный тут же картофельный мешок что-то продолговатое и темное. Сережа тихонечко пригнулся, нырнул к завалинке. Его напугало лицо гостя, оно было вымазано чем-то темным. Видимо, он вытирал пот грязными руками.

Разделив пополам содержимое ящика, отцы молча помыли руки над проржавевшей раковиной. Неуклюжий, не приспособленный к такой работе городской перепачкал весь пиджак

тем, что они делили на две равные части. Кузнец стал помогать ему отряхиваться. Они оба еле-еле держались на ногах. Пыль и кусочки грязи нехотя падали на замазученный бетонный пол.

Вскоре приезжий понес к своей машине драгоценный мешок, но, не сумев открыть дверцу, прилег к колесу и отключился. Отец попытался было приклепать крышку гроба на место, но у него ничего не получилось. Он сполз по стене на пол и, привалившись к верстаку, тоже уснул. Сережа, низко опустив голову, чтобы видеть дорогу, побежал огородами домой. Он бежал и бормотал:

– Кто сказал, что Витька из армии не придет, значков мне не привезет? Брехня все. Подумаешь, гроб... Пустая консервная банка. Нет ведь там Витьки. Сам видел, что нет. Только рухлядь одна какая-то. Дураки они, все эти взрослые, бумажкам верят... Мамку разбужу, пусть тоже поглядит, пока папка крышку назад не запаял, что нету там Витьки, чтобы не ревела больше...